

Д. С. Мережковский

Александр Первый

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Александр Первый: Том 1 / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 690 с.

ISBN 978-5-517-98371-8

ISBN 978-5-517-98371-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына.

— Поди-ка сюда, карбонарь! За ушко да на солнышко. Расскажи, чего напроказил? Что за исторія съ очками, а? Весь городъ говоритъ, а я и не знаю, — сказалъ, подставляя бритую щеку для поцѣлуя князю Валерьяну дядя его, старичокъ лысенькій, кругленькій, катавшійся, какъ шарикъ, на коротенькихъ ножкахъ; все лицо въ мягкихъ бабьихъ морщинахъ, какія бывають у старыхъ актеровъ и царедворцевъ; — министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Синода, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Когда князь Валерьянъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія (онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ), вошелъ въ министерскую пріемную, большую, мрачную комнату съ окнами на Михайловскій замокъ, такъ и нахнуло на него запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

На томъ же мѣстѣ опустилась подъ нимъ ослабшая пружина въ старомъ кожаномъ креслѣ. Такъ же

на канцелярскомъ зеленомъ сукнѣ стола лежали запрещенныя духовною цензурою книги; *О средѣ грѣбовъ*, прочелъ онъ заглавіе одной изъ нихъ: грибы постная пища, — догадался, — нельзя сомнѣваться въ ихъ пользѣ. Тѣми же снимками со всѣхъ изображеній Спасителя, какія только существуютъ на свѣтѣ, увѣшаны были стѣны пріемной: ликъ Господень превращень въ обойный узоръ. Такъ же рѣла въ глубинѣ сосѣдней комнаты-молельни темно-красная лампада, въ видѣ кроваваго сердца; такъ же нахло застарѣлымъ, точно покойницкимъ, ладапомъ.

— Помилосердствуйте, дядюшка! Вы уже двадцатый меня объ этомъ сегодня спрашиваете, — сказала князь Валерьянъ, глядя на стараго князя пѣнодою знаменитыхъ очковъ, съ тонкою усмѣшкою на сухомъ, желчномъ и умномъ лицѣ, напоминавшемъ лицо Грибоѣдова.

— Да ну же, ну, говори толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. На вчерашнемъ дворцовомъ выходѣ въ очкахъ явился; отвыкъ отъ здѣшнихъ порядковъ: изъ памяти воишь, что въ присутствіи особъ высочайшихъ ношеніе очковъ не дозволено...

— Поздравляю, племянничекъ. Камеръ-юнкеръ въ очкахъ! И свой карьеръ испортилъ, и меня, старика, подвелъ. Да еще въ такую минуту...

— Изъ-за очковъ паденіе министерства, что-ли?

— Не шути, мой другъ, не доведутъ тебя до добра эти шутки...

— Что за шутки! Завтра къ Аракчееву являться. Ежели въ крѣпость или въ телѣжку посадятъ съ фельдъегеремъ, — только на васъ и падѣюсь, дядюшка.

— Не падѣйся, душа моя! Я отъ тебя отсту-

Сиди: совѣтовъ не слушаешь, самъ лѣзешь въ петлю. Думаешь, не знаетъ начальство, какая у васъ каша сварилась? Все знаетъ, мой милый, все. Погоди-ка, ужь выведутъ васъ на чистую воду, господа карбонары... А письмо-то, письмо? Это еще что такое? Открыть ни начать вздумалъ по почтѣ? Ужь если такъ приспичило, можно бы, чай, и съ оказіей...

Въ перехваченномъ тайной полиціей и представленномъ государю письмѣ князь Валерьянъ называлъ Аракчеева „гадиной“. Князь Александръ Николаевичъ испавидѣль Аракчеева; не кланялся съ нимъ, даже во дворцѣ, въ присутствіи государя. Князь Валерьянъ зналъ, что за это письмо дядя готовъ простить ему многое.

— Я всегда полагаю, ваше сіятельство,—говорилъ онъ съ еще болѣе топкой усмѣшкой на слегка поблѣднѣвшихъ губахъ,—что заглядывать въ частныя письма все равно, что у дверей подслушивать...

Старикъ зашикалъ, замахалъ руками.

— Если желаете, сударь, продолжать со мною знакомство, извольте выбрать выраженія ваши,—сказалъ онъ по-французски.

— Виновать, ваше сіятельство, но, право, мочи нѣтъ! Вся кровь въ желчь превращается. Я понимаю, что можно здоровому человѣку привыкнуть жить въ желтомъ домѣ съ сумасшедшими, но честному съ поддѣцами въ лакейской—нельзя.

— Вы очень измѣнились, мой милый, очень измѣнились,—покачалъ головою дядюшка. — И скажу прямо, не къ лучшему: эти заграничныя знакомства вамъ не впрокъ.

„Успѣли-таки донести, мерзавцы!“ подумалъ князь

Валерьянъ. Заграничное знакомство былъ вольнодумный философъ Чаадаевъ, съ которымъ онъ сблизился во время своего пребыванія въ Парижѣ.

— Я вижу, дорогой мой, вы все еще не можете освободиться отъ самого себя и обратиться въ то ничто, которое едино способно творить волю Господню, — проговорилъ дядюшка и завелъ глаза къ небу. — Какъ блудный сынъ, покинули вы отчій домъ и рады питаться свиными рожками на поляхъ иноплеменниковъ...

„Свиные рожки—конституція“, догадался князь Валерьянъ.

Долго еще говорилъ дядюшка объ Иисусѣ сладчайшемъ, о совлеченіи ветхаго Адама и воскрешеніи Лазаря, о состояніи Маріи, должествующемъ замѣнить состояніе Марыи, о божественной рождѣ и воздыханьяхъ голубицы.

Князь Валерьянъ слушалъ съ тоскою. „Тюлевый бы чепчикъ съ рюшками тебѣ на лысенку, и точь въ точь Крюденерша пророчица!“ думалъ онъ, глядя на стараго князя.

— Всякая власть отъ Бога. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленной, есть совершенное противорѣчіе, — кончилъ старикъ тѣмъ, чѣмъ кончались всѣ подобныя проповѣди.

— А вѣдь я и забылъ, ваше сіятельство, — успѣлъ, наконецъ, вставить князь Валерьянъ, — порученіе отъ Марьи Антоновны...

Взялъ со стола свертокъ, развязалъ и подаль, не безъ камеръ-юнкерской ловкости, шелковую подушечку изъ тѣхъ, какія употреблялись для колѣнопреклопеній во время молитвы, съ вышитымъ католическимъ пламенѣющимъ сердцемъ Иисусовымъ.

— Собственными ручками вышить изволил. Пусть, говорят, будет князю память о другѣ вѣрномъ всегда, особенно же нынѣ, въ преторпѣваемыхъ имъ безвинно гонепіяхъ.

— Ахъ, милая, милая! Вотъ истинная дочь Нарамля!—умилился дядюшка.—Будешь у нея сегодня на концертѣ Вьельгорскаго?

— Буду.

— Ну, такъ скажи ей, что завтра же пріѣду расцѣловать ручки.

Въ любовныхъ ссорахъ государя съ Марьей Антоновной Нарышкиной князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ всегдашнимъ примирителемъ, за что злые языки называли его „старою своднею“.—„Тридцатилѣтній другъ царевъ, угождая плоти, міру и діаволу, князь всегда былъ заодно съ царемъ, въ такихъ дѣлахъ, о нихъ же нельзя и глаголати“,—обличалъ его архимандритъ Фотій.

— И еще порученьце, дядюшка: узнать о министерскихъ дѣлахъ, о козняхъ враговъ.

— Самъ расскажу ей... А, впрочемъ, вы, можете быть, тамъ больше нашего знаете? Ну-ка, что слышали? Рассказывай.

— Много ходитъ слуховъ. Говорятъ, министерства вашего дни сочтены; въ заговорѣ, будто, о. Фотіѣ съ Аракчеевымъ...

— И съ Магницкимъ.

— Быть не можетъ! Магницкій—сынъ о Христѣ возлюбленный... А вѣдь говорилъ я вамъ, дядюшка: берегитесь Магницкаго. Шельма, какихъ свѣтъ не видалъ,—помѣсь курицы съ геною.

— Какъ, какъ? Курица съ геною? Недурно. Ты иногда бываешь остроумень, мой милый...

— А помните, ваше сіятельство, какъ исцѣляли бѣсноватаго?—спросилъ князь Валерьянъ.

— Да, представь себѣ, кто бы могъ подумать? Мошепники... Ну, да что Магницкій! Богъ съ нимъ. А вотъ о. Фотій, о. Фотій,—какой сюрпризъ!

Сбѣгалъ въ кабинетъ и вернулся съ двумя письмами.

— Читай.

„Ваше сіятельство, высокочтимый князь! Ты и я—какъ тѣло и душа. Сердце одно мы. Христось посреди насъ и есть будетъ“, кончалось одно письмо, отъ Фотія.

Другое—черновикъ, отвѣтъ Голицына:

„Высокопреподобный отче Фотій! Свиданія съ вами жажду, какъ холодной воды въ жаркій день. Орошаюсь слезами и прошу у Господа крыль голубиныхъ, чтобы летѣть къ вамъ. Вонетину, Христось посреди насъ“.

— Ахъ, дядюшка, дядюшка, погубить васъ доброе сердце!—едва удержался князь Валерьянъ отъ злораднаго смѣха.

— Богъ милостивъ, мой другъ. Сколько люди меня ни обманываютъ, а я въ дуракахъ не бывалъ. Такъ вотъ и нынче. Министерство отнять хотятъ. Да я радешенекъ! Только того и желаю, чтобы на свободѣ подумать о спасеніи души...

Опять завелъ глаза къ небу.

— У государя, вотъ у кого доброе сердце,—вдохнулъ съ умиленіемъ.—Ну, тотъ этимъ и пользуется...

„Тотъ“ былъ Аракчеевъ: старшій князь такъ ненавидѣлъ его, что никогда не называлъ по имени.

— Подоидеть тихохонько, склонить голову на

божь и пригорюнится. „Государь батюшка, ваше величество, одолѣли меня, старика, немощи, увольте въ отставку“...

Князь Валерьянъ взглянулъ на дяюшку и замеръ отъ удивленія: мягкія бабьи морщины сдѣлались жесткими, глаза потухли, щеки ввали, лицо вытянулось, — живой Аракчеевъ. Но исчезло видѣніе—и опять сплѣлъ передъ нимъ благочестивый проповѣдникъ; только гдѣ-то, въ самой глубинѣ глазъ, искрилась шалость.

Вспомнился князю Валерьяну разговоръ, слышанный отъ самого дяюшки, какъ однажды въ юности, еще камеръ-пажемъ, побился онъ объ закладъ, что дернетъ за косу императора Павла I. II, дѣйствительно, стоя за государевымъ стуломъ, во время обѣда, изловчился, — дернулъ. Государь обернулся. „Ваше величество, коса покрявилась, я неправиль“.— „А, спасибо, дружокъ!“

— Такъ-то, мой милый, — продолжалъ дяюшка. — Говоря между нами, это министерство просвѣщенія у меня вотъ гдѣ! Сытъ по горло. Не министерство, а гнѣздо демонское, котораго очистить нельзя, — развѣ ангель съ неба сойдетъ. Всѣ училища—школы раврата. Новая философія изрыгнула адскія лжемудрствованія и уже стоитъ среди Европы съ поднятымъ княжаломъ. Кричатъ: науки! науки! А мы, христіане, знаемъ, что въ злохудожную душу не впишется премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху. И что можно сдѣлать добраго книгами? Все уже написано. Буква мертвитъ, а духъ животворитъ... Я бы, мой другъ, всѣ книги сжегъ!—загопочилъ онъ съ тою же рѣзвостью, съ которою, должно быть, дергалъ императора за косу.

„Ахъ, шалуиъ, шалуиъ! — думалъ князь Валеръ-

янь.—Сколько зла надѣлалъ, а вѣдь вотъ невиненъ, какъ дитя новорожденное“.

— Ты что на меня такъ уставился? Аль не по шерсткѣ? Ничего, братъ, стерпится. слюбится. Ты еще вернешься къ намъ...

Посмотрѣлъ на часы.

— Въ Синодъ пора, два архіерея ждутъ. Ну, Господь съ тобой. Дай перекрещу. Вотъ такъ,—теперь не бойся, ничего тебѣ *тотъ* не сдѣлаетъ. А право же, возвращайся-ка къ намъ, блудный сынъ!

— Нѣтъ ужъ, дядюшка, куда мнѣ? Горбатаго развѣ могилка исправить.

— Не могилка, а дѣвица Турчанинова.

— Какая дѣвица?

— Не слышалъ? Удивительно. Исцѣляетъ взглядомъ горбатыхъ и глухонѣмыхъ. Я собственными глазами видѣлъ сына генерала Толя, съ одной ногой короче другой, и представъ себѣ, черезъ мѣсяцъ поги сравнялся. Сплю эту уподобить можно помпѣ или—какъ это?—пасосу, что ли, извлекающему изъ натуры магнетизмъ животный... Сейчасъ некогда, потомъ расскажу. Хочешь, къ ней съѣздимъ?

— Съ удовольствіемъ. Можетъ быть, в меня выправить?

— А ты что думалъ? Богу все возможно. Или не вѣришь?

— Вѣрю, дядюшка. А только знаете, что мнѣ иногда въ голову приходитъ: если бы самъ Христось сталъ творить чудеса и проповѣдывать на Адмиралтейской или Дворцовой площади, тутъ и до Пилата не дошло бы, а первый квартальный взялъ бы Его на съѣзжую. И архіереи ваши не заступились бы...

„Ни вы, ни вы, ваше сіятельство!“—едва не сорвалось у него съ языка, и не дожидаясь отвѣта, выбжалъ изъ комнаты.

Старый князь только пожалъ плечами.

— Безпутная голова, а сердце доброе. Жаль, что скверно кончить!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вскорѣ послѣ Аустерлица, появилось въ иностранныхъ газетахъ извѣстье изъ Петербурга: „госпожа Нарышкина побѣдила всѣхъ своихъ соперницъ. Государь былъ у нея въ первый же день по своемъ возвращеніи изъ арміи. Доселѣ связь была тайпой; теперь же Нарышкина выставляетъ ее на показъ, и всѣ передъ ней на колѣняхъ. Эта открытая связь мучить императрицу“.

Однажды на придворномъ балу государыня спросила Марью Антоновну объ ея здоровьѣ.

— Не совсѣмъ хорошо, — отвѣтила та, — я, кажется, беременна.

Объ знали отъ кого.

„Поведеніе вашего супруга возмутительно, — особенно, маленькіе обѣды съ этою тварью, въ собственномъ кабинетѣ его, рядомъ съ вами“, — писала дочери своей, русской императрицѣ, великая герцогиня Баденская. Шла рѣчь о разводѣ.

Но за двадцать лѣтъ въ этому всѣ привыкли, и уже никто не удивлялся. Марья Антоновна была